

ГОД ИЗДАНИЯ XV
№ 22 (681)

ПОСЕВА

ВОСКРЕСЕНЬЕ
31 МАЯ 1959ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 15 Nr. 22 (681)

Russische Wochenzeitung • POSSEV-Die Aussen • Frankfurt M., Merianstr. 24 a

Sonntag 31. 5. 1959

Тень оппозиции на съезде писателей

Вместо партийного мракобеса Суркова главой союза писателей избран „умеренный“ Федин

Третий съезд Союза писателей СССР, происходивший 6 дней, закончился 23 мая.

Некоторые странные вещи происходили с составом делегатов съезда. По докладу Мандатной комиссии, сделанному Стелъяхом, из 497 избранных делегатов, не явились на съезд 26 человек «по уважительным причинам». В работе съезда в то же время участвовали 16 членов правления Союза писателей, не избранных делегатами съезда. Некое изменение произошло и в составе докладчиков: Л. Леонов был «отставлен» или сам отказался от доклада о некоторых изменениях в уставе Союза писателей. Вместо него доклад этот делал секретарь Союза из «партийных» — Г. Марков. Все это показывает на «комбинации» и «маневры», происходившие перед съездом.

Всего в прениях на съезде выступило 87 человек. Самым заметным было молчание на съезде «мэтров» советской литературы — М. Шолохова, Л. Леонова, И. Эренбурга.

Только на четвертый день работы съезда, 22 мая, было оглашено приветствие ЦК КПСС съезду. В исключение из правила огласил его не какой-либо член президиума или секретарь ЦК КПСС (в данном случае это должны были сделать либо «догматический» Пospelов, либо Фурцева), а человек из писателей же — Н. Тихонов. Оттяжка с оглашением приветствия произошла несомненно вследствие общей линии ЦК КПСС в отношении этого съезда: не демонстрировать давление...

В тот же день на съезде с речью выступил Хрущев. После выступления Хрущева прения были прекращены.

В последний день работы съезда, 23 мая, съезд избрал правление (143 человека) и Центральную ревизионную комиссию (29 человек) Союза писателей, принял резолюцию по докладу Суркова, утвердил некоторые изменения устава Союза и принял письмо к ЦК КПСС.

Вечером этого дня в Кремле был устроен «прием по случаю окончания работы Третьего съезда писателей СССР», на котором были Хрущев и члены президиума ЦК КПСС.

На состоявшемся 25 мая первом пленуме правления Союза писателей первым секретарем правления был избран К. Федин — вместо А. Суркова, занимавшего эту должность несколько последних лет. Пленум избрал секретариат правления в количестве 27 человек! Сурков остался в секретариате в качестве «рядового» секретаря. В секретариате вошли Л. Леонов, Л. Соболев, А. Твардовский, Н. Тихонов, Ф. Панферов, А. Корнейчук. Имена остальных членов секретариата мало что говорят — это преимущественно партийные надсмотрщики над литературой на местах.

Съезд внешне прошел для власти как будто гладко. Да и что можно было ожидать от съезда, делегаты которого тщательно отбирались в ЦК КПСС: по официальному сообщению, среди делегатов съезда было 75,3 процента членов и кандидатов партии (377 человек из 497) и почти совсем не было молодежи (3 делегата в возрасте до 30 лет).

Оппозиционные писатели или не были «избраны» на съезд или молчали. И тем не менее тень литературной оппозиции присутствовала на съезде. Влияние оппозиции на работу съезда было,

и влияние большое.

Можно сказать, что со стороны власти съезд проводился под знаком все еще не оставленных попыток «консолидации», т. е. попыток примирить оппозиционных писателей с партией. В этом отношении показательной была речь Хрущева — сквозь ее сундук и истерические выкрики все же явственно проступал вкрадчивый по отношению к «заблудившимся» писателям тон.

Остановившись на «характеристике недалекого прошлого», отметив, что «идейная драка охватила в той или иной мере всех писателей», и что и «сейчас еще в вашей среде дают себе знать остатки той борьбы, которая не так давно имела довольно острый характер», Хрущев возвестил, что «уже летают, как говорится, «ангелы примирения» и «в настоящее время идет, если можно так выразиться, процесс зарубцовывания ран». И высказал «мнение»:

«надо... облегчить этим товарищам (т. е. «заблудившимся»). — Ред.) переход от ошибочных взглядов на правильные, принципиальные позиции. Не следует поминать их злым словом, подчеркивать их былые ошибки, не надо постоянно указывать на них пальцем. Только польза будет для нашего общего дела»

Несколько раз Хрущев в своей речи возвращается к этой теме:

«есть правильная поговорка — лежачего не бьют. И если в идейной борьбе противник сдается, признает себя побежденным и выражает готовность встать на правильные позиции, не отмахивайтесь от него, поймите его, подайте руку, чтобы он мог в ряд встать, вместе работать»; «в нашем социалисти-

ческом обществе... надо более чутко подходить к тем людям, которые имели несчастье «дать себя чорту запутать»...

О романе Дудинцева «Не хлебом единым» он заявил, что, «конечно, не все там было плохо сказано», и что этот роман он, Хрущев, «без булавки читал» (т. е. не колот себя булавкой, чтобы преодолеть сонливость). Сославшись на слова Микояна ему, Хрущеву, что в романе Дудинцева «есть рассуждения, которые он словно у тебя подслушал», Хрущев продолжал, что «Дудинцев ловко подметил некоторые отрицательные явления, но изобразил в преувеличенном, нарочито обобщенном виде». Но он, мол, «никогда не был нашим врагом и не был противником советского строя» и Хрущев даже хотел «побеседовать с ним, но все было некогда».

По свидетельству иностранных корреспондентов, Хрущев говорил также о Пастернаке, заявив, что в его романе «Доктор Живаго» предоктябрьский период описан правильно. Но в тексте хрущевского доклада, опубликованного в «Правде», это место оказалось вычеркнутым.

В общем Хрущев выпускал «ангелов примирения»...

Правда, одновременно он наговорил такое, над чем писатели, приглашаемые на мировую, могут только усмехнуться. Хрущев выкрикивал, что хотя напоминать писателям о былых ошибках не надо, «но и забывать тоже не следует. Как говорится, следует на всякий случай «узелок завязать», чтобы при необходимости посмотреть и вспомнить, сколько там узелков и к кому эти узелки относятся» (Оживление в зале).

Говоря о тех, кто является «зачинщиком драки», а теперь «заявляют, что будто бы их совсем напрасно обидели», Хрущев, забыв примирительный тон, вошел в раж и показал клыки: «на подобные жалобы можно ответить вопросом: «А за что вас били?» И следует добавить: «Правильно вас били. Мало, значит, вас били, если вы так себя ведете».

Тут же он привел изречение Горького: «Если враг не сдается — его уничтожают», а, пообещав «перевоспитывать» тех, кто «дал себя чорту запутать», напомнил о методе... Дзержинского. Вдобавок ко всему, разговаривая все на ту же тему «перевоспитания» писателей, Хрущев длинно рассказал историю своего собственного опыта — о том, как он сейчас воспитывает и наставляет на «правильный путь» одного... вора. Хрущев есть Хрущев...

И тем не менее, как уже указывалось, общей линией, выработанной для этого съезда, было стремление как-то сгладить противоречия, найти примирение.

Сказалось это, в частности, в опубликовании «Литературной газетой» а дни самого съезда весьма независимой по тону и горько-обличительной статьи К. Паустовского (мы перепечатаем ее

в этом номере «Посева»). И хотя на съезде щедринские партийные «органички» (действующие очевидно невпопад) атаковали Паустовского за его статью, Паустовский оказался избранным в состав правления Союза...

Сказалось это и в главном изменении руководства Союза писателей: в удалении с арены одиозной фигуры Суркова, олицетворявшего «большевистскую ортодоксальность» и партийную дубину в литературе. Поставленный вместо него беспартийный Федин, человек интеллигентный и безусловно настоящий писатель, призван находить общий язык с оппозицией...

Сказалось это, наконец, и в принятии для обсуждения на съезде «темы» оппозиции: о художественном мастерстве писателя (а, следовательно, и о правдивости), против литературных поделок и макулатуры партийных ремесленников и приопосабливцев...

✱

Никакая консолидация, конечно, не состоится, «поручкой» чему является само позорнейшее для нашей литературы явление Хрущева на писательском съезде с его удручающей «наукой» для «инженеров человеческих душ». Это была речь волостного писаря, к тому же не трезвого. Хрущев объявил писателям, что ему «нравятся» стихи его друга ранних лет, которого «во время гражданской войны... убили петлюровцы», и тут же с удовольствием прочитал их. Заканчиваются они так:

Ведь долг мой, братья, поколению
Хоть каплю оставив честного труда,
Чтоб там, за черной загробной тенью,
Не грызла б совесть никогда.

И эта галиматья, превзошедшая смердяковский «слог», читалась с трибуны писательского съезда. И кем?

Сколь уместны здесь слова Герцена: «Я скажу про нашу литературу как Югурта про Рим: «О, продажный город — жаль, что нет покупщика на тебя!»... Я думаю все это делается для того, чтобы так нагадить и наморщить литературные завяты, чтоб порядочному человеку равно казалось красть платки и печатать книжки».

Если добавить к этому же, что Хрущев безапелляционно заявил, что он хочет «встать на сторону таких писателей, которых почему-то называют «лакировщиками», то нелепы и смешны все эти расчеты на «консолидацию»: у кого из честных и талантливых писателей не потупились совестливо глаза и не стеснило в груди при виде, как бредит на трибуне Попрыщия, увы — наделенный громадной властью.

Консолидации не будет. А независимое художественное слово будет пробивать себе путь, ибо наступили и идут другие времена. В чем в панике призрался и сам Хрущев:

«Вы опять можете сказать: критикуйте нас, контролируйте и, если произведение ошибочно, не печатайте его. По вы знаете, не легко сразу разобраться в том, что печатать и что не печатать. Самый легкий путь — ничего не печатать...»

Увы, оказывается и это для власти — невозможный путь!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- ♦ А. П. Газета КГБ об «опасных иллюзиях» «Посева»
- ♦ Л. Ф. «Враждовать надо с администрацией!»
- ♦ Б. Сергеев. Две тактики
- ♦ Н. Тарасова. Литературный институт в художественном произведении
- ♦ Константин Паустовский. Бесспорные и спорные мысли
- ♦ А. Н. Студенческие демонстрации в Югославии
- ♦ А. Н. К кончине Даллеса
- ♦ Письма из Женевы

ЖЕНА СОВЕТСКОГО МОРСКОГО АТТАШЕ В ЛОНДОНЕ ПОПРОСИЛА ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА

По сообщению иностранных радиостанций, в субботу 23 мая жена советского морского атташе в Лондоне капитана Александра Дмитриева с пятилетней дочерью покинула здание советского посольства. 27 мая она обратилась к английским властям с просьбой предоставить ей с ее дочерью право политического убежища.

Где находится в настоящее время капитан Александр Дмитриев — неизвестно. Есть предположение, что он увезен в Советский Союз.